

населения к своему государю, уже в настоящем, а не будущем, вслед за чем идут авторские обращения к «Российскому радостному Сиону», «Голстинии» с ее «Цвейтином», «весне златой» и в заключение к «небес и всех веков «Зиждителяю». Если же мы присмотримся к постановке М. В. Ломоносовым общего вопроса о войне и мире в частях, обрамляющих строфы 16—20, и в них самих, то увидим, что в этих последних, так сказать, центральных строфах постановка вопроса иная, чем там: например, там враг «злодей» («Он постыдит, как ты злодеев»), здесь перед нами несчастная Германия, в образ которой объединены и союзники и враги; там перед нами «Голияфы» в стихах 22 строфы:

«Самсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают...»

здесь тот же образ, здесь мысль об «отраде ...утомленных, избаве... раззоренных»; там неоднократно высказанная мысль о конечной победе, хотя бы в стихах о самом Петре III:

«Сильнее тигров Он и львов
Геройска бодрость в нем избрана:
Иссохнет на земли поцранны
Свирепость змиевых голов» (строфа 22),

а здесь забота об измученном враге.

Мне думается, что в уже готовую оду автор вклинил несколько новых строф, иного, чем те ее части, содержания. Новостью в них являются и планы широких агрессий на Восток, заменяющие собой отступление на Западе.

Повидимому, поэт не представлял себе, когда писал свою приветственную оду, по крайней мере, в сколько-нибудь точных очертаниях, грядущей внешней политики нового царствования. Трудность его положения осложнялась тем, что в манифесте Петра III о восшествии на престол не говорилось ни слова ни о войне, ни о мире, ни вообще о предстоящей политике молодого императора, а его обещание подражать Елизавете и «Петру Великому» — первой, правда, лишь в милосердии и щедрости, но второму во всем, — позволяло полагать, что война будет продолжаться до прочного водворения России на западной части восточноевропейских берегов Балтийского моря, меж тем как, конечно, такое понимание манифеста решительно противоречило